

Религия — нечто большее, чем инструмент стабилизации структуры общества

Рецензия на монографию: «Культура и смерть Бога» (Eagleton T. Culture and the Death of God. New Haven: Yale Univ. Press, 2014)

Султанбек Андиев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: sandiev@hse.ru

Для цитирования: Андиев С. (2025). Религия — нечто большее, чем инструмент стабилизации структуры общества. Рецензия на монографию: «Культура и смерть Бога» (Eagleton T. Culture and the Death of God. New Haven: Yale Univ. Press, 2014) // Patria. Т. 2. № 3. С. 106–109.

doi: 10.17323/patria.2025.27624

Religion Is More Than a Tool to Stabilize The Structure of Society

Review of the Monograph: Eagleton T. “Culture and the Death of God”. New Haven: Yale Univ. Press, 2014

Sultanbek Andiev

HSE University (Moscow)

E-mail: sandiev@hse.ru

For citation: Andiev S. (2025) “Religion Is More Than a Tool to Stabilize the Structure of Society. Review of the Monograph: Eagleton T. Culture and the Death of God. New Haven: Yale Univ. Press, 2014”, *Patria*, vol. 2, no. 3, pp. 106–109.

doi: 10.17323/patria.2025.27624

Британский марксистский теоретик культуры Терри Иглтон уже значительное время занимается вопросами религии, и поэтому книгу «Культура и смерть Бога», представляющую собой запись лекций Иглтона, во многом можно рассматривать как расширение его предыдущих интервенций в эту сферу, но под другим углом. Так, если его книга «Разум, вера и революция» (Eagleton, 2009) носила открыто полемический характер, будучи направлена против публичных интеллектуалов из движения «новых атеистов», и во многом раскрывала определенную интерпретацию христианства, формулируемую Иглтоном непосредственно в процессе критики «новых атеистов», то «Культура и смерть Бога» представляет собой в большей мере некоторый историко-философский нарратив о секуляризации с эпохи Просвещения и до наших дней, затрагивая практически все важнейшие фигуры Просвещения, романтизма, немецкого идеализма и другие важные для повествования философские и политические движения. Книга состоит из шести глав: первая глава посвящена месту религии и ее критики в теориях мыслителей эпохи Просвещения; вторая и третья главы раскрывают последствия проекта Просвещения (главным

образом через идею культуры) в наследии немецких идеалистов и романтиков соответственно; четвертая глава уже рассматривает не отдельное философское направление, а целый ряд более поздних авторов (от Мэтью Арнолда до Луи Альтюссера) с их представлениями о роли культуры и религии в обществе; пятая глава посвящена Марксу, Ницше и Фрейду как самым известным атеистическим фигурам в истории философии Нового времени; наконец, в шестой главе Иглтон обсуждает непосредственно состояние культуры в постмодерную эпоху. Таким образом, это скорее книга о социальной стороне религии, чем о теологии или непосредственно философии самой религии. Марксизм Иглтона всегда присутствует на фоне повествования через указание на то, что дискуссия о культуре не была чистым продуктом ума или нейтральной темой, а носила на себе отпечаток политических и классовых вопросов своего времени, выступая во многом как продолжение политики другими средствами и как идеология.

Основной тезис Иглтона состоит в том, что попытка рационализации веры и секуляризации общества если и не провалилась полностью, то определенно представляла собой поиск замены фигуры Бога — и этот поиск сложно назвать удачным. Эта замена должна была обеспечивать все те социальные и индивидуальные функции, что ранее брали на себя Бог и религия, вроде социальной сплоченности или поиска смысла. Дело в том, что просвещенческая реформа религии, хотя и сделала религию более рационально приемлемой для посетителей философских и политических клубов, одновременно с этим превратила ее в настолько «умозрительную» (“cerebral”) сферу, что для основной массы населения такая вера теряла всякую притягательность и не могла выполнять те функции религии, которые большинство просветителей находили полезными по крайней мере социально.

За некоторыми исключениями, вроде Спинозы или Томаса Пейна, просветители не стремились к коренному слому существующей в обществе иерархии и в целом относились к идее просвещения низших слоев общества скептически, что привело их к тезису о двух истинах: одна истина и понимание религии — для высших и средних слоев, другая — для низших. Тем не менее сама идея Бога в процессе рационализации потеряла свою «полнотелость», либо став сводом некоторых моральных предписаний, постижимых рационально, либо же выйдя за пределы разума в область чувств. Оба этих итога, по мнению Иглтона, поставили идею Бога в трудное положение относительно ее влияния на социальную сферу: рационалистический Бог оказался слишком абстрактным, а Бог внутреннего чувства — слишком индивидуальным, чтобы выполнять роль скрепляющей общество силы. Необходимо было найти нечто способное заменить собой эту функцию религии. Немецкий идеализм и романтизм пытались выйти из этой ловушки Просвещения, предложив идею культуры (или, по-другому, эстетики) и новой мифологии, где рациональное объединяется с чувственным, становясь постижимым для всех граждан государства. Эта сфера должна позволить людям отбросить свои частные интересы, предрассудки и разницу в положении, стать хоть на время субъектами, которые выносят всеобщие беспристрастные суждения.

Таким образом, идея культуры, отмечает Иглтон, представляет собой в какой-то мере антиполитику — или, по крайней мере, альтернативу политики. Тем не менее и эта попытка не вышла за пределы интеллектуальных кругов, хотя как обеспечила основу для такого революционного и массового (и на какое-то время довольно успешного в качестве замены религии) движения, как национализм, так и дала ресурсы для критики индустриального капитализма.

Иглтон отмечает, что идея Бога и религии остается настолько глубоко укорененной, что все претенденты на замену несут ее в себе в скрытой форме. Этого диагноза удостаиваются даже такие классические примеры современного атеизма, как Маркс и Ницше. И если в случае Маркса Иглтон видит скорее продуктивное обогащение теории религиозным наследием, которого не следует чураться, то случай Ницше представляется ему гораздо более атеистичным в его борьбе с идеей Человека. Ницше, в противовес целому ряду гуманистов до него, правильно уловил непосредственную связь и производность этой идеи от идеи Бога и видит в Человеке последнее прибежище для Бога. Расправа с идеей Человека, появление на мировой сцене Сверхчеловека и будет означать окончательную смерть Бога. Но даже в таком проекте Иглтон все еще находит отголоски теологии непосредственно в фигуре Сверхчеловека. Ницше, таким образом, не смог совершить полный разрыв с Богом, хотя и был в этом стремлении гораздо более откровенным, чем многие другие мыслители.

При всем при этом концепт культуры как замены и религии, и политики еще долго остается центральным для последующих поколений мыслителей; он действительно приблизился к закату (но не достиг его) только к концу XX века, во время позднего капитализма и постмодернизма — первого действительно атеистического времени в истории человечества, согласно Иглтону. Этот атеизм куплен дорогой ценой, так как скорее представляет собой просто отсутствие веры во что-либо за пределами логики рынка. Но и этот упадок идеи культуры длился недолго, и подъем религиозного фундаментализма — как в странах Глобального Юга, так и в части западных стран — вновь вернул фигуру Бога в центр политических и философских дискуссий. Это в свою очередь заставило сторонников секуляризма вновь обратиться к культуре, признав при этом ее неразрывную связь как с политикой, так и с религией.

Иглтон завершает книгу формулировкой предположения, идущего вразрез с общим социально-инструментальным рассмотрением функций религии, которое являлось предметом интереса для большинства упомянутых в книге мыслителей. Иглтон указывает, что религия — это нечто большее, чем инструмент стабилизации структуры общества, и те, кто сводит религию к этой роли, упускают весь ее критический потенциал. Новый Завет — это не пособие о том, как быть ответственным гражданином, а призыв к коренной трансформации жизни. Возможно, пишет Иглтон, именно такая позиция будет способна вдохнуть новую жизнь в наше понимание веры и ее взаимосвязей с политикой и культурой. В этом смысле Иглтон в своем отношении к религии скорее ближе к таким фигурам, как Эрнст Блох или Славой Жижек, чем к большинству героев своего пове-

ствования. Такой вывод вне связи с другими работами Иглтона (или же вне общего знакомства с (пост)марксистскими исследованиями религии) скорее приглашает читателя к дальнейшему изучению вопроса — хотя надо заметить, что в нескольких местах книги Иглтон все же указывает на работы, которые посвящены данной теме (например «Вера неверующих» Саймона Кричли (Critchley, 2014)), или же упоминает общие религиозные концепты других философов вроде Жижека или Бадью. В целом эта книга Иглтона может рассматриваться как некоторое историческое введение к проблеме (пост)секуляризма, а также к другим работам Иглтона, которые больше затрагивают уже саму природу веры и историю религии.

Как уже было отмечено в начале, это не первая книга Иглтона по тематике религии, и читатель его предыдущих работ может столкнуться с целым рядом тезисов или представлений, которые уже были произведены в предыдущих работах, иногда без каких-либо заметных дополнений или пояснений. Иглтона можно также упрекнуть в довольно сумбурном распределении акцентов в некоторых местах повествования: хотя немецкому идеализму и романтизму посвящены отдельные главы, в действительности в каждой из двух глав идеалисты и романтики присутствуют примерно в равном количестве. При этом смена фокуса с одного мыслителя на другого из этих традиций может происходить по несколько раз на странице. Это сильно контрастирует, например, с изложением идей британского поэта и культуролога Мэтью Арнолда, которому беспрерывно посвящена практически половина четвертой главы. В пятой главе, которая отведена классической троице «философии подозрения» (Маркс, Ницше, Фрейд), тоже на самом деле уделяется внимание только первым двум, в то время как Фрейд удостоивается только двух страниц. Как видится, все это можно оправдать тем, что книга представляет собой серию лекций.

В целом из рецензируемой книги читатель может получить общие представления об истории идеи культуры и идеи Бога. Но даже если не выходить за пределы довольно широкого выбора книг самого Иглтона, то можно найти работы (как вышеупомянутая «Разум, вера и революция»), которые исследуют каждую из этих тем по отдельности, но более глубоко. Тем не менее знакомство с рассматриваемой книгой может выступать как первый шаг для дальнейшего погружения в эти столь важные для Иглтона идеи.

ЛИТЕРАТУРА

Critchley S. (2014). *The Faith of the Faithless: Experiments in Political Theology*. L.; N. Y.: Verso.

Eagleton T. (2009). *Reason, Faith, & Revolution: Reflections on the God Debate*. New Haven: Yale Univ. Press.

REFERENCES

Critchley S. (2014) *The Faith of the Faithless: Experiments in Political Theology*, L.; N. Y.: Verso.

Eagleton T. (2009) *Reason, Faith, & Revolution: Reflections on the God Debate*, New Haven: Yale University Press.